

18+

Глеб Карпинский

ВИНО ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Детективный роман

Глеб Карпинский

**Вино для любимой.
Детективный роман**

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Вино для любимой. Детективный роман / Г. Карпинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966076-3

Вы пили когда-нибудь хорошие вина, мой дорогой друг? Нет, не те, что выдержаны в давно забытых подвалах или взявшие приз Prestige cuvée в Париже... Я говорю о настоящих винах в наших живых сердцах, что подобно молодой взыгравшейся крови, раскрываются еще ярче в прощальном поцелуе с любимой женщиной. Если да, то Вы поймете меня...

ISBN 978-5-44-966076-3

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Татуировка	6
Незаконченный портрет	9
В мастерской художника	16
Инцидент у ресторана	22
Непристойное поведение	26
Одна в ночи	30
Ангел-спаситель	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вино для любимой Детективный роман

Глеб Карпинский

*«Вы пили когда-нибудь хорошие вина, мой дорогой друг?
Нет, не те, что выдержаны в давно забытых подвалах
или взявшие приз Prestige cuvée в Париже...
Я говорю о настоящих винах в наших живых сердцах,
что подобно молодой взывавшейся крови,
раскрываются еще ярче в прощальном поцелуе с любимой
женщиной.
Если да, то Вы поймете меня...», —
размышления винодела.*

*Редактор Ирина Карпинская
Дизайнер обложки Ирина Карпинская*

© Глеб Карпинский, 2020
© Ирина Карпинская, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-6076-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Татуировка

Двери с тихим шумом закрылись, и под нарастающий гул набирающего скорость поезда народ повалил к эскалаторам. Второй выход был временно на ремонте, из-за чего среди пассажиров возникла нервозность, и они, наступая друг другу на пятки и ловко обгоняя друг друга, старались поскорее протиснуться в толпе к заветной лесенке, стремительно поднимающей их на поверхность. Лишь два человека остались на быстро опустевшей платформе, словно покинутые всеми. Хорошо ухоженная женщина шла медленно впереди, уткнувшись в свой айфон, и высокий, красивый мужчина брел за ней следом, невольно наблюдая, как та виляет широкими бедрами под колышущимся от сквозняка красным платьем. Иногда его пылливый чувственный взгляд отрывался от этой завораживающей, гипнотизирующей его сознание магии и устремлялся ввысь по обнаженной спине женщины. Свет балюстрад невольно ослеплял его, и мужчина жмурился, почти растворяясь в искусственном солнце, скорее всего, про себя задрав подол дразнящего его платья и мысленно творя непристойности.

В какой-то момент он замечтался так, что нечаянно врезался носом в эти узкие обнаженные плечи на подъеме у эскалатора. Лестница круто покатила вверх, но женщина даже не обернулась, по-прежнему листая что-то на экране своего телефона. Очевидно, эти двое прежде никогда не были знакомы, но на каком-то ментальном уровне их ритмы и настроения совпали. Женщина даже не стала переходить на следующую ступеньку, хотя возможность для маневра у нее была. Она лишь на мгновение оторвала взгляд от своего телефона и, словно прислушиваясь к отдаленным звукам приходящего поезда, показала мужчине свой красивый профиль. Пронзительный гул заставил ее вздрогнуть, и аккуратно отточенная ладошка мягко опустилась на поручень. При этом тонкие пальчики с мастерски написанным под цвет платья маникюром, сделали робкое перебирающее движение, точно играли на пианино какую-то приятную мелодию. Прильнувший мужчина тоже положил свою руку, но чуть выше от себя по поручню, нарушая личное пространство понравившейся ему женщины. Обручальное кольцо он не снимал никогда.

Поезд остановился, и новая толпа пассажиров хлынула из вагонов, и те, кто уже стоял на эскалаторе, стали оглядываться с самодовольными лицами, наблюдая, как быстро заполняются пустоты. Они уже прошли путь давки и толкания, но, тем не менее, им снова пришлось принять напор и почувствовать, казалось бы, уже забытый вкус борьбы, и скоро все уже стояли в два ряда, и напрасно кто-то упорно пытался протиснуться по левой стороне и ругался. Чтобы не быть отсеченным от незнакомки в красном, мужчина прижался к ней еще ближе.

Уже на середине подъема, когда вихрь от уходящего поезда и сквозняк с улицы столкнулись в противостоянии, тронув спадающие на ее плечи волосы, он заметил искусно сделанную татуировку – ползущую по шее кобру, и тихо простонал от восторга, точно ужаленный. И этот тихий, отчасти отчаянный стон передался и женщине, и она задрожала в каком-то сладостном трепете. Чтобы скрыть это, она слегка поправила локоны за ушами, но мужчина уже заметил, как от жаркого дыхания его губ спина прекрасной незнакомки покрывается мурашками. Он сам задрожал, невольно вдыхая ароматы парфюма, и закрыл в упоении глаза. В этот сакральный момент его рука на поручне сама коснулась ее руки...

Им было около сорока лет. Может быть, мужчина в черной кожаной куртке был немного моложе. Но, в любом случае, женщина могла постоять за себя, возмутиться, устроить скандал или дать пощечину. Напротив, она даже получала явное недвусмысленное наслаждение от такого преступного, нарушающего все мыслимые и немыслимые границы сближения. Они

так и стояли, вжавшись друг в друга, пронзенные одним желанием близости, и ничего не знающие друг о друге. И когда их руки на поручне сомкнулись в замок, их сердца застучали в одном бешеном ритме, и время остановилось...

Она вдруг почувствовала его напористую твердость и, боясь привлечь внимание посторонних, не зная, как реагировать дальше, уткнулась в свой телефон, пока его горячие до дрожи губы касались ее изнеженной кожи, вызывая мурашки и сладостный трепет. Она хотела, хотела даже большего, чем эта внезапная страсть, но страх разоблачения перед окружающей толпой останавливал ее. Она боялась этих безразличных и жестоких людей, и жестко прикусив свои губы и чувствуя, что вот-вот может заплакать, вдруг поняла, что всю жизнь искала этой любви. В этот момент она одернула руку и отстранилась, четко осознав, что ей нужно что-то менять в своей жизни, причем срочно, немедленно. Она поняла, что та жизнь без любви в почти пятнадцатилетнем бездетном браке, которую она вела до сих пор, еще более аморальна, чем эта минута, проведенная с незнакомым мужчиной на ступеньках подъема эскалатора, возможно, извращенцем, сумасшедшим или кем-то еще.

Неожиданно ступеньки стали опускаться, людской поток подхватил и где-то на выходе из метро смял и разделил их. И они, оскорбленные этим внезапным разрывом, стали неистово искать друг друга глазами, словно тонули в этом человеческом море. На щеках женщины все же брызнули слезы, а мужчина, с надеждой вытягиваясь над толпой, еще долго пытался понять и высмотреть путь, куда исчезает его прекрасная незнакомка.

Когда же он оказался один, то долго бродил по Арбату, словно без дела, вглядываясь в витрины магазинов и кафешек, в лица проходящих мимо него женщин. Ему казалось, что та незнакомка с ползущей по шее змеей где-то ходит рядом и также ищет его...

Затем он свернул на небольшую улочку и оказался на пороге знаменитого грузинского дворика. Там проходила презентация автохтонных вин и, судя по всему, народ еще не успел распробовать щедрые дары солнечной Грузии, а тот, кто распробовал, с видом невежественного знатока медленно попивая из дегустационных пластиковых стаканчиков, качал головой и говорил «Нет, Киндзмараули уже не то». Такое отношение к чужому труду испортило настрой нового гостя, и он не сразу решился подняться в ресторан, хотя акция была бесплатная и любой желающий презентабельного вида, достигший восемнадцати лет, мог сравнить «Алазанскую долину» с «Чинури» или уже упомянутое Киндзмараули с «Саперави».

Симпатичная девушка в грузинском платье, отделанном золотистой тесьмой и бисером, улыбнулась ему. Она стояла у большого треснувшего квеври, служащего декорацией в холле. Поверх белого платья была накинута контрастная черная катиби с длинными, ложными рукавами.

– Гамарджоба (Желаю победы), – сказала она в ответ, поправив на себе шелковый вышитый золотом пояс.

– Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро, – подшутил мужчина словами из известной песенки Винни-Пуха.

– Тарам-тарам-тарам-тарам, – поддержала его настроение девушка. – Проходите, пожалуйста, Вас ждут отличные вина! Можно узнать, как Вы узнали о нашей акции?

Он все еще держал в руках приглашение-флаер и показал ей.

– Вот при выходе из метро раздали, наверно, как самому трезвому.

Девушка опять улыбнулась.

– Надеюсь, Вы высоко оцените наши вина. Вы знаете, что большинство из этих вин произведены по древнему кахетинскому способу, то есть молодое вино вначале выдерживают в глиняных кевври, которые находятся закопанными в земле... Сейчас, к сожалению, рынок направлен на европейского потребителя и нас обязывают переходить на европейские стандарты. Так что, пожалуй, у Вас поистине уникальный шанс отведать настоящее живое вино без оксида серы, которое пили еще колхидские цари и царицы!

Очевидно, первые неброские фразы гостя сразу расположили молодую грузинку. Она заметно засияла и лично проводила мужчину в дегустационный зал.

– Вот сюда, пожалуйста! – сказала она напоследок и вернулась на свой пост. Там уже стояли в нерешительности новые гости.

Дегустационный зал был небольшим. Первое, что бросалось в глаза, это длинные ряды столов покрытые белоснежными скатертями. Все они были уставлены красивыми, порою без этикеток, бутылками, глиняными кувшинами и даже двуручными амфорами. Рядом стояли тарелки с фруктами и различной закуской национального характера: вкусными лепешками, сыром, брынзой, оливками. Несколько юношей-сомелье стояли за этими столиками и уговаривали редких гостей, бродящих по залу с пластиковыми стаканчиками, отведать то или иное вино с дальнейшей перспективой покупки одной или пару бутылочек. Дальше у окон располагались столики для гостей, которые предпочитали остаться и насладиться винами в более спокойной и ненавязчивой обстановке. Для них жарился шашлык, и подавались основные блюда по меню. Сама торговля винами шла неважно, и в основном люди просто тупо напивались за счет заведения. Мужчина в куртке поинтересовался у самого крайнего сомелье, где можно попробовать Саперави. Судя по всему, он был хорошо знаком с грузинскими винами и даже неплохо разбирался в грузинской кухне.

– Вы прямо по адресу, – предложили ему неполный стаканчик.

– Божественно, – отпил он осторожно, слушая при этом, как сомелье увлеченно рассказывал о достоинствах сорта. – Танины чувствуются.

– Остался последний ящик, – сказали ему по секрету. – Это надежное вложение Ваших средств. С годами такое вино раскрывается еще лучше.

– Что ж... Еще пару глотков, и я созрею, – отшутился он и отошел к «Алазанской долине», где стояли две деловые, хорошо одетые, при деньгах барышни.

– Сообразим на троих, девушки? – предложил он им совместно отметить начало осени, но дамы посмотрели на него с осуждением и даже не удосужились ответить.

Им уже упаковали в бумажные пакеты несколько бутылок, и сомелье, совсем молодой с интеллигентными чертами грузинский мальчик, вызвался донести товар до машины.

– Что ж... Еще пару глотков, и я созрею, – повторил тогда мужчина в куртке и, не выпуская из рук свой стаканчик, тоже отправился к выходу.

Девушка в фойе в грузинском наряде, уже в сопровождении своих братьев с орлиными носами, которыми они заметно гордились, пожелала ему счастливого пути, несмотря на то, что он ушел пустым, и он обещал зайти к ним еще и обязательно приобрести хоть одну бутылочку автохтонного сорта.

Незаконченный портрет

Кто бывал хоть однажды на старом Арбате, наверняка видел художников, сидящих на раскладных стульчиках перед мольбертами прямо под открытым небом. Среди этих работников кисти, пастели и угля встречаются настоящие таланты своего дела, которые из года в год совершенствуются в жанре портретного рисунка, анимализма и пейзажей старых московских дворики. Их первоклассные работы обычно выставляются прямо на улицах, и иной раз прохожие путают их с мировыми шедеврами, а некоторые коллекционеры даже охотятся за такими работами, считая, не без основания, все это современным пока еще недооцененным искусством.

Возможно, именно такой старичок с козлиной бородкой, в характерной для художника шапочке, отделился от скупающего сборища своих побратимов по ремеслу и обратился к проходящей мимо женщине, которая быстро катила перед собой инвалидную коляску. Очевидно, эта проходящая уже не раз бывала здесь и была знакома с уличным творчеством не понаслышке, потому что еще заранее завидев мольберты, она поспешила обогнуть их, но настойчивый художник с бородкой все же преградил ей путь, широко раскрыв, словно коршун, свои когтистые крылья-руки.

– Не пушу, Люда, не пушу! – заговорил он заплетающимся языком, слегка пошатываясь.

– Ну вот, опять налился, – закачала покрытой головой эта, судя по платку и старомодному длинному платью, набожная женщина, с осуждением глядя на подвыпившего мастера.

Ее невзрачное вытянутое лицо казалось слегка тронутым в следствии нервного паралича или другого сильного переживания, следы от которого не исчезали ни на секунду. В инвалидной коляске, которую она катила, сидела девочка на вид лет пятнадцати, в легком, не по погоде одеянии. Поверх ситцевого платьица на коленях лежал шерстяной плед, из-под края которого почти безжизненно свисали худющие ножки в вязаных носочках, и именно к этим носочкам и припадал отчаянный художник. Он также пытался делать земные поклоны, ходя за больной девочкой на коленях, но в результате резких маневров коляски лишь подметал своей бороденкой брусчатку. Эта душераздирающая сцена вызывала у прохожих не совсем приятное ощущение. Они старались проходить мимо и не задерживаться.

– Ну, не злись ты так на меня, Люда! – горячился художник, теребя в руках огрызок черного уголька. – Пожалей дурака, на выпивку не хватает...

Его пораженные подагрой пальцы были черны, и сам он с головы до ног был перепачкан, точно выскочивший черт из табакерки. Поношенный дырявый свитер и особенно одутловатое лицо, эти нездоровые мешки под глазами, покрасневший мясистый нос и жуткий разящий перегар завершали образ опустившегося человека.

– Ну, не злись ты... Трубы горят, на выпивку не хватает, – пробормотал он опять.

– Свести у тебя не хватает, совести, – злобно сверкнула глазами невзрачная женщина и попыталась объехать назойливого алкоголика.

– Здравствуй, здравствуй, моя хорошая... Это я Федор Кузьмич... – жалобно улыбался он тогда, обращаясь уже к самой девочке. – Ты меня не узнаешь? Мы же договаривались на один портретик...

Но девочка как будто не видела ничего перед собой. Ее головка с редкими белесыми волосиками покачивалась от движения коляски по неровной брусчатке и как-то неестественно свисала набок. Словно она не в силах была поднять ее или долго держать на шее, и художник вздрогнул, поразившись потухшим, полным безразличия взглядом измученного болезнью ребенка.

– Что с ней? – с большой тревогой воскликнул он, испуганно посмотрев на невзрачную женщину, которая немного смутившись, все же ответила ему и вынуждена была остановиться.

– С каждым разом нам все хуже и хуже, – выговорила сквозь зубы она, все еще сердясь, что ее не пропускают, и толкнула коляску прямо на него. – Пусти, Иуда!

Это обидное христопродавническое прозвище, словно нож, ударило его и без того в пораженную печень. Он опустил обреченно руки и с поникшей головой поплелся к мольберту. Там он рухнул на свой раскладной стульчик и загрустил еще больше, взявшись руками за голову. Затем он бросил уголек в жестяную коробочку, в которой когда-то много лет назад лежали леденцы, и стал сворачиваться.

– Как же так, как же так! – шептал он, кусая в каком-то болезненном остервенении длинный рукав своего свитера.

Невзрачная женщина тронулась дальше, и кто-то из сердобольных прохожих даже догнал коляску и положил на шерстяной плед звенящую мелочь. Но девочка совсем не среагировала на это, уставившись грустно куда-то себе под ноги, все также безмолвно покачивающиеся от тряски. И когда женщина, судя по всему, ее родная мать (они были похожи изгибом нижней губы), перекрестилась и забрала деньги себе, рассовывая их по карманам как-то неуверенно, словно стесняясь чего-то и стыдясь, девочка в коляске вдруг словно очнулась от глубокого сна. Так получилось, что она подняла головку, внимательно разглядывая, что вокруг происходит и узнала художника, сворачивавшего мольберт, и слабая улыбка появилась на ее измученном и усталом лице...

– Ах, Козломордый, – сказала она тихо, почти не шевеля губами. – Сегодня у Вас совсем не клеется.

Старик-художник, которого девочка назвала таким непристойным именем, совсем не обиделся на нее, а, напротив, вскочил с места и радостно засмеялся.

– Очнулась, очнулась, спящая красавица. Вот и молодец! Сегодня прекрасная погода, – сказал он, взмахивая рукой в московское небо. – Бабье лето... Свет падает идеально, и я просто не переживу, если мы упустим время... Я же обещал тебе, но твоя мама не хочет.

– И правильно делает, что не хочет, – проворчал мимо идущий прохожий, насупив брови. – Развелось тут мастеров. Рисуют всякое «г». Неужели, чтобы понять, что это «г», в него нужно обязательно вляпаться?

– А Вы, сударь, идите своей дорогой! – икнул Козломордый, продолжая улыбаться девочке. – Ты его, девочка моя, не слушай. Это происки конкурентов. Люда, а Люда, ну сто рублей жаль тебе на бутылочку красного? Мы даже можем ее распить с тобой вместе где-нибудь в переулке или у меня в каморке... А?

– Мерзавец, ноги моей у тебя больше не будет! – вспыхнула в гневе невзрачная женщина. – Поедем, Вика. Нам надо еще в церковь, а потом к врачу. Твой Козломордый – мошенник. Не трать время на бездарности, не совершай ошибки своей матери.

Но худые девичьи руки с изгрызенными ногтями вцеплялись в подлокотники. Видно было, что у нее, не смотря на прогрессирующую болезнь, оставался бунтарский и упрямый характер.

– Пстой, мама. Я правда хочу свой портрет. Я знаю, он рисует неважно. Его даже били тут за углом. Я слышала эту забавную историю от импрессионистов там у «Праги».

– Он рисует совсем не похоже, – нахмурилась мать, едва смягчившись.

– А зачем мне сходство, мама? Мне сейчас, напротив, хочется быть совсем непохожей на себя, даже повзрослее чуть-чуть... хотя бы на пару лет... Справишься, Козломордый?

Тот закивал, как болванчик, умоляюще глядя на невзрачную женщину, и на глазах ее вдруг навернулись слезы. Она тяжело вздохнула, не желая ни с кем спорить, и подкатила инвалидную коляску к мольберту.

– Хорошо, старый плут, только учти, я тебя предупреждала.

Художник заметно оживился. Он важно сел на раскладной стульчик, погладил лист на мольберте и задумался. В этой задумчивости он вытянул вперед свою козлиную бородку,

словно настраиваясь на шедевр. Затем его как будто осенило, и он взял опять черный уголек из жестяной баночки и сделал первый штрих.

– Уверяю Вас, Вика, – сказал он вполне серьезно и уже на «Вы». – Если Вам не понравится, я обещаю бросить пить навсегда... Честно слово, честно.

– Ну да, – ухмыльнулась мать девочки. – Знаем мы Вашего брата.

– Мама, пожалуйста, не мешай ему настроиться... – и девочка выпрямилась в удобную позу. – Ведь, правда, что в Вашем деле важен настрой?

– Безусловно, – кивнул Козломордый, – но я, если честно, научился работать и без настроя, в совершенно стрессовых ситуациях. Ведь обязательно кто-то да скажет за спиной, что я рисую неправильно или что-то в этом роде. Народ у нас любит высказываться на чистоту. Да, сударь? – обратился он к кому-то, особенно любопытному за своей спиной.

Мужчина в кожаной куртке, украдкой наблюдавший за процессом работы и застигнутый врасплох, немного смутился.

– Что, правда, то правда, – сказал он. – Но важно, чтобы рисунок понравился, прежде всего, самой девочке.

– Ну, а ей понравится, извольте не беспокоиться! – усмехнулся мастер, как-то дерзко и размашисто сделав несколько свежих штрихов.

– Очень надеюсь. Мне даже интересно, как Вы обыграете уже начерченный ранее бокал.

И, действительно, на листке бумаге в самом центре мольберта уже был прежде прорисован бокал на тонкой ножке, и невзрачная женщина сказала с укором девочке:

– Вот, видишь, Вика, у него даже чистого листа нет. Совсем допился дурень. Одни рюмки рисует. Пойдем отсюда...

– Нет, мама, останемся, – настойчиво ответила ей дочь и ее ладошки сжались в слабые кулачки. – Это мой каприз. Пусть меня он рисует и только он. К тому же, Козломордый – мастер по сюрреализму. Не так ли, Козломордый? Вас еще не били местные сюрреалисты?

– Пока еще нет, – замотал головой художник испуганно. – Я никаким боком не собираюсь отнимать у них их хлеб. Я всегда слыл и буду слыть сторонником исключительно классической школы, и только сейчас в самом исключительном исключении позволю резкий разворот в сторону. Уверяю Вас, моя благородная девочка, никто даже не заметит это нелепое несоответствие.

Затем он очень неприятливо посмотрел на мужчину в куртке, и в осоловевшем взгляде без труда угадывалось «Кто Вас, болван, просил болтать лишнее?» Ведь позирующей девочке и ее матери не было видно, что рисует уличный художник: мольберт закрывал им обзор. И чтобы быстро исправиться и доказать, что девочка не ошиблась в выборе настоящего мастера, Козломордый очень удачно передал серое небо, кусок солнца, растекающийся, словно нагретое сливочное масло, по маковкам церквей, строгие контуры арбатских крыш, и даже сизых голубей, парящих над ними. Казалось, он все еще не решается приступить к самому главному – образу девочки, ради чего и было все это затеяно, и проходящие мимо люди даже задерживались, с любопытством и интересом гадая, когда же и куда же будет вставлена в общую экспозицию его несчастная натурщица.

Но как истинный гурман, самое вкусное оставляющий «на потом», он все еще медлил, и, глядя на ожившее лицо девочки, он виновато уводил свои иссохшие глаза и как будто плакал. Этот душевный невидимый плач особенно передавался в резких движениях его правой кисти, держащих огрызок уголька, и казалось, что он вот-вот выронит его из рук.

В самый разгар работы к мольберту подошли со стороны Макдональдса туристки из Поднебесной. Все они были, как на подбор в одинаковых уггах, шумные, крикливые, с гоупро и профессиональными камерами, толпились и мешали друг другу снимать окружающие. Девочка в коляске улыбалась, видя, как хмурится художник, который из-за всех сил пытался сосредоточиться и абстрагироваться от этого шума.

– Ну, вот орда набежала... – ворчал он про себя. – Каждый божий день ходят туда-сюда и все снимают меня, снимают.

– Не ругайтесь, Козломордый, – смеялась девчонка. – Вы у них там, наверно, звезда интернета, медийная личность.

Над его ухом в это время кто-то мощно втянул через трубочку остатки молочного коктейля. Момент был ответственный, и художник вспылал, требуя у зевак не галдеть, а позирующую ему натурщицу попросил вообще не шевелиться, хотя она итак сидела неподвижно в какой-то удручающей страдальческой позе. Но, правда, в ее больших черных глазах уже блестел шаловливый свет, а на ее лице впервые за долгое время появилась смешная, пародирующая самого художника, мимика, что сильно позабавило толпу.

– Перестаньте, перестаньте, хулиганы! – выходил из себя Козломордый, смахивая здорово на старую ворчливую бабку. – Вика, и ты прекрати паясничать, а то и, правда, шарж получится.

– И хорошо, что получится! – уже хихикала вместе с зеваками девочка. – Тогда ты наконец-то бросишь пить, Козломордый... Ведь ты мне обещал...

– Так нечестно, нечестно! Ну, пожалуйста, ради большого искусства еще две минутки пострадай, а?

– А ты меня веселой рисуй, счастливой, – не слушала она мольбы мастера, показывая мужчине в кожаной куртке свой кончик языка.

В этот момент к китайкам подошла другая компания соотечественников. Из нее выделился китаец в легком пуховике и меховых наушниках. Он присел у инвалидной коляски и пощупал деловито, хорошо ли надуту колесо.

– Хорош каталка... – выговорил он плохо по-русски, показывая всем свои удивительно белые и ровные зубы. – Электрическая моторка.

– Не работает Ваша моторка, – пожаловалась ему девочка. – Сломалась сразу, вот мама и толкает...

– Ай-ай, – расстроился китаец и подлез под колесо, дергая за торчащий провод. – Капец, капец.

Русское слово «капец» оказалось знакомым туристам из Поднебесной, и они стали выговаривать его вслух, перешептываясь.

– Короткий замкнуло, – проговорил специалист чуть позже, быстро разобравшись с проблемой. – Предохранитель купать. Заказать по интернет. И каталка поехать. Мама не нужна.

– Ой, мама мне всегда нужна! – улыбнулась девочка и вдруг чихнула.

– Ай-ай, – покачал китаец головой и достал из-за пазухи пакет размером с ладошку и стал объяснять, как он работает.

– Русская зима жуть, – признался он, протягивая свой подарок. – Там специальный железный крошка. Тепло. Мы в одежда, сапоги, варежки. Полезный штук.

– Ой, спасибочки! – обрадовался девочка. – Я это как раз в свой носочек засуну, а то пальцы замерзли.

Добрый китаец между тем стал объяснять ее матери, что когда-то он то ли работал на фабрике по производству таких колясок, то ли продавал их, и знает, как ее починить. Он чиркнул карандашом на предложенной ему бумажке даже тип нужного предохранителя и показал, где нужно его заменить.

– Али экспресс придет, тут отвертка крутить.

Пока происходила диагностика коляски, одна китайка захотела сфотографировать себя на фоне мольберта. Но ее соплеменницы в довольно грубой форме отпихнули ее селфи-палку в сторону, и между ними на улице возникла откровенная склока с применением локтевых приемов и хватанием за одежду и волосы. Дошло до того, что все пожелали сфотографироваться

с бедным ребенком, и художник был вынужден даже прикрикнуть на нерадивых гостей и отогнать их на значительное расстояние.

– Цыц, шантропа! Отойти от света!

Затем немного успокоившись, он снова присел за мольберт, и толпа осторожно, на цыпочках заняла свои прежние позиции. Молодую натурщицу он все же решил изобразить на самой вершине бокала с откинутой назад головой и оголенными плечами. Он старался (это получалось у него не сразу) убрать всю болезненность и страдание, заменив их желанием наслаждаться жизнью. Чтобы не провалиться в винную бездну и не утонуть в ней (край ее платья уже спадал вниз), девушка упиралась локотками рук о тонкое стекло, и играла перед собой скрестившимися босыми ножками. Художник несознательно, а, может, намеренно придал Вике больше женственности. Он добавил ей пышности в шевелюре, слегка увеличил грудь, а прорисовке глаз уделил так много внимания, что китайки захотели тоже заказать свои портреты непременно с такими же глазами и долго на ломаном языке и при помощи жестов объясняли художнику свои пожелания, сильно отвлекая последнего от работы.

– Вставайте вот сюда, не мешайте, – стал распоряжаться художник, явно довольный таким раскладом. – И никаких скидок! Мы Вам не С-400 продаем, сударыни.

Все организовано встали в очередь по два человека. К ним еще присоединилось несколько зевак, и соседние художники, заметив ажиотаж вокруг своего коллеги-неудачника, попытались переманить перспективных клиентов к себе, но публика оказалась на удивление уперта и непреклонна. Некоторые даже гордо отворачивались в сторону, мол, не на тех напали. Видимо, китайцы и вправду посчитали, что перед ними настоящий Рембрандт.

– Ну, почему долго она рисовать? – не выдержал кто-то на конце этой хорошо организованной очереди. – Мы опоздать экскурсия в два часа.

– Не волнуйтесь, сударыни. Все успеют, – выговорил художник, не отводя взгляда от работы. – Я стараюсь всегда уложиться в десять минут. Просто сегодня исключительный случай.

– Вот видите, – улыбнулась больная девочка. – Я приношу Вам удачу, господин Бородка.

– погоди, не шевелись... – вдруг встрепенулся художник. – Улыбайся, улыбайся, замри... Вот умничка! А тебе и правда идет улыбка! Отлично получается.

– Я давно заметила такой феномен за собой, – продолжала болтать девочка, – что я приношу удачу. Правда, правда. Вы – наглядный пример, Козломордый. Еще час назад Вы готовы были продать душу дьяволу, чтобы хоть кто-нибудь согласился на эксперимент издевательства над своим изображением, а сейчас к Вашему мольберту выстраивается целая армия поклонниц!

– О... точно армия... – оглянулся художник и присвистнул, прикидывая, сколько ему еще придется сегодня трудиться.

– Как бы эта иноземная армия его б потом не растерзала, – усмехнулся мужчина в куртке, стоявший рядом.

Девочка засмеялась.

– Нет, пожалуйста, нет. Только не смейся! – нахмурился художник и затем повернулся в сторону шутника, раздражено сверкнув глазами. – А Вам, смотрю, делать нечего.

– Делать и в самом деле нечего, – вздохнул мужчина в куртке.

– Тут весной такой тип ходил важный, тоже ему делать было нечего, все с мыслями собирался, потом в ресторан зашел, тут за углом, набрал всего-всего, а, в конце концов, когда счет принесли, с разбегу головой о стену... – и Козломордый покрутил пальцем у виска.

– Ну, мне это ни к чему, – засмеялся его оппонент. – Я на море лучше поеду. Там, возможно, еще сезон бархатный. Купаться можно. Эх...

– Неужели Вы собираетесь на море? – воскликнула девочка.

– Да, собираюсь, а что тут делать? Разве что рядом становиться с кисточками и тоже рисовать.

– Нет уж, избавьте от этого! – возразил художник, очевидно опасаясь ненужной конкуренции.

У него наконец-то получились губы. Китайцы за спиной одобрительно закивали. Кто-то из них щелкнул фотоаппаратом.

– Вас совсем не пугает море? – спросила опять девочка.

Мужчина в куртке отрицательно покачал головой.

– А чего меня оно должно пугать? Море как море.

– А я море как-то побаиваюсь... – призналась она. – Правда, мы с мамой там никогда раньше не были, но оно мне кажется каким-то страшным монстром. Ведь никто не знает, что оно там в себе таит, это море?

Мужчина улыбнулся.

– А ты представь лучше теплое солнышко, как идешь с мамой по пляжу, возвращаясь с рынка, и кушаешь крымскую черешню, а косточки прямо на песок плюешь.

– Нехорошо это, что плюешь, – нахмурилась девочка.

– Напротив, прекрасно это! – воскликнул мужчина в куртке. – В этом и есть счастье, что никто тебе и замечание не делает, что плюешься-то. Черешенка ведь вкусная- вкусная, так и тает во рту...

– Пожалуй, Вы правы, устала я от этих запретов. То нельзя, вот это тоже нельзя... А когда можно? Я непременно хочу быть счастливой, – и девочка улыбнулась и посмотрела на маму. – Чего мы, мама, ждем все, а? Купим прямо сейчас пакетик черешни и плевать косточки в разные стороны будем, а мама? Прямо на асфальт плевать будем...

– Да уж! Вы ей сейчас насоветуете! – возразила невзрачная женщина и погладила свою дочь ласково по головке. – Где я тебе, Вика, сейчас черешню достану?

– Эх, верно... – расстроилась девочка, закусив губу от досады. – Может тогда следующим летом. Если, конечно, не умру.

– Вика, что ты такое говоришь! Ты же обещала! перестать разговаривать с посторонними о своей болезни, – сильно встревожилась мама.

– Они вовсе не посторонние, – фыркнула она в ответ. – Они люди и тоже когда-нибудь умрут. Между прочим, я имею право разговаривать с кем я хочу и как хочу. Мне уже пятнадцать лет, а в некоторых странах в таком возрасте выходят замуж.

– Ну, уж точно не у нас в России, – возразила мать. – И слава Богу. Куда такая наивная замуж собралась! За кого? Нет уж, пока тебе не исполнится восемнадцать лет, и не думай о самостоятельности...

– Мама, мама, ты забываешь, что мне никогда не исполнится восемнадцать лет!

– Да что ты такое говоришь, Вика!

– Не ври, мама. Я все слышала, что доктор говорил, да и слышать этого не надо. По твоим заплаканным глазам все видно.

Глаза девочки вдруг сверкнули жестокостью. Она опять сжала в каком-то протесте свои слабые кулачки, пытаясь преодолеть гнев и понимая, что сделала матери больно, вдруг горько расплакалась. Ей стало неудобно за слезы перед людьми.

– Мама, увези меня отсюда, увези! – запричитала она. – Пожалуйста, мамочка...

Невзрачная женщина тяжело вздохнула и откатила коляску от мольберта. Художник бросился за ними, умоляя хотя бы подождать минуту. Рисунок углем почти был закончен, оставалось раскрасить лишь платье и сделать кое-какие штрихи, но мама Вики совсем не желала слушать его обрывистые доводы.

– Люда, ну как же так? Как же так?

– В другой раз, не видишь, у нее истерика! – строго отмахнулись от Козломордого. –
Завтра к обеду придем.

В мастерской художника

Но на следующий день невзрачная женщина и ее больная дочь не появились, и художник в потасканном оранжевом свитере заметно скучал, вглядываясь в незаконченный портрет. Он сидел на своем раскладном стульчике под самодельной конструкцией из пляжного зонтика и треноги и делал неторопливо штрихи углем по памяти. Желаящих нарисовать свой портрет было немного. Утром прошел прохладный дождь, который разогнал гуляющий люд, и многие просто предпочитали отсиживаться в кафешках. Но на улице художник был не один. Вчерашний мужчина в черной куртке тоже пришел посмотреть на работу. Он некоторое время слонялся без дела по Арбату, пока, наконец, не остановился у мольберта.

– Кажись, уже не придут, – печально заметил Козломордый, узнав вчерашнего собеседника. – Выпить бы чего-нибудь, трубы горят.

– Тут на Арбате дегустация отличного вина, – заметил мужчина в куртке. – Бесплатно разливают!

– Эх, молодой человек. Кому бесплатно, а кому задаром, – и он подмигнул левым заплывшим глазом. – Меня уже никуда не пускают. Репутация подмочена.

– Нет проблем! – сказал мужчина в куртке и пошел в грузинский дворик за бутылкой.

Ему хотелось взять «Саперави», которое вчера ему очень понравилось, и он очень рассчитывал, что на второй день дегустации для него все же останется хоть одна бутылочка.

– Опять Вы, здравствуйте... – обрадовалась ему грузиночка на входе.

– Вот пришел, как и обещал, – ответил он. – А где же Ваши грозные братья?

Девушка засмеялась.

– Они сейчас кушают с мамой в зале. Что... познакомить?

– Ой, нет, пока еще рано. Я лучше Вас потом украду.

Скоро он уже вышел на улицу явно довольный и поспешил к мольбертам. Старый художник, немного продрогший под морозящим дождем, предложил продолжить разговор в его мастерской, которая, как оказалось, находилась тут по соседству, и «старые» знакомые быстро, почти перебежками, прошли во дворы и, заскочив в обшарпанный подъезд, пешком поднялись на самый верхний этаж.

Мастерская художника представляла собой чердак, едва пригодный для проживания. Из-за низости потолка гостям приходилось невольно пригибать голову, чтобы не задеть головой побелку. Стоять в полный рост можно было разве что в центре, но там художник ставил обычно свой уличный мольберт и складывал вещи.

– Это Ваш? – спросил мужчина в куртке, пригибаясь. – Или бездомный?

У единственного окна стояла раскладушка, на которой дремал черный кот.

– Да, кто его знает, чей он?! Приходит сюда, орет, требует, – и художник заорал на кота, чтобы согнать с постели. – А ну, Макбет, пошел вон!

Котьяра приоткрыл глаз и демонстративно зевнул, показывая всем своим видом явное пренебрежение.

– Простите за творческий беспорядок, – вдохнул художник и прикрыл форточку. – По трубе гад залазит.

Форточка опять открылась, порыв сырого ветра ворвался в мастерскую, и ее пришлось снова захлопнуть.

– Не люблю осень, – поморщился Козломордый.

– А мне нравится осень, – не согласился с ним мужчина в куртке. – Особенно прекрасен в это время года Саперави. Вы только представьте, как Вы бредете мимо бесконечных шпалер, уходящих за горизонт, к самому солнцу, обвитых сильными, яркими, точно пожар, лозами!

– Ну, знаете ли... Все это попахивает какой-то болезненностью ума, если хотите, маньячеством. Там на вашем винограднике работать надо, урожай собирать, и уж никак листвою любоваться. Вообще-то, когда я был молод, как Вы, – признался Козломордый, – я начинал с подобных пейзажей, рисовал дождь над безлюдным вспаханным под зиму полем, тронутую морозом рябину, старых опят на трухлявом пне, но сейчас я все больше специалист по бытовым натюрмортам... Это удобнее, и куда гораздо меньший риск простудиться. Вам надо взглянуть на мои последние картины, заказов немного, и я рисую от скуки... – и художник с козлиной бородкой показывал гостю свои последние «шедевры».

У стены стоял столик, который был заставлен пустыми бутылками, но гостю удалось разглядеть самобытную скатерть из ватмана с изображением пепельницы. Недокуренная сигарета слегка дымила плохо прорисованным дымком, а на фильтре остался след от губной помады, что придавало общему образу присутствие в мастерской некой загадочной женщины.

– Иногда смотрю на все это и мысленно достаю оттуда закусочку... – указал Козломордый на другой реалистичный рисунок – банку с огурцами. – Да, знаю... Синий цвет не совсем аппетитный, но уж простите, другого мелка тогда под рукой не оказалось. И признаюсь Вам, когда курить ужасно хочется, а денег нет... все это успокаивает. Ну, или вот эта банка шпротов! Соглашусь, что не удалась, но как аппетитно, – и художник сдвинул со стола тарелку, чтобы его гость мог лучше разглядеть угол уже затертого и запачканного чем-то рисунка.

С потолка стекал конденсат, и стены все были в разводах. Выступающую напоказ разруху художник старался прятать за своими работами, заклеивая ими невзрачные места, но от сырости скотч не выдерживал, и листы, вздрагивая от порыва сквозняка, спадали на пол.

К запахам старого дома, вперемежку с красками и застоем мочи, нужно было еще привыкнуть. На полу валялись кисточки, клочки разорванного ватмана. Мужчина в кожаной куртке стряхнул с себя паутину. От всего этого общее впечатление у него было удручающим.

– Вы тут живете? – спросил он, хотя уже заранее знал ответ.

– И живу, и творю, но творю большей частью зимой, когда погода ужасная, – виновато улыбнулся уличный художник, предлагая гостю жестом присесть на стул рядом со столиком.

Пригнувшись, тот постарался сесть лицом к окну.

– Тут вполне сносно, – словно оправдывался художник, прогоняя муху с немой тарелки. – Все-таки самый центр, только никакой канализации.

– Почему нет канализации?

– С нижних этажей не дают провести, якобы нужно специальное разрешение из министерства культуры. Дом под охраной государства, тут видите ли. Когда-то бордель располагался, в который любили ходить... как его... А, неважно!

– Как же Вы ходите, извините, в сортир? – удивился гость.

– А Макдональдс на что? Так и приходится по каждому случаю бегать, – развел руками художник, – либо где-то во дворе с собачками выгуливаться, это никого не волнует. Ругаться бесполезно, писать по инстанциям себе дороже... Для них я обычный пьянчужка, который за бутылку малюет на Арбате лохам физиономии.

Козломордый тяжело вздохнул и стал убирать со стола, чтобы освободить пространство. Мужчина в куртке понял намек.

– Ну, что ж, как и обещал, – сказал он художнику, доставая из-за пазухи две бутылки «Саперави». – Вино должно быть, очень насыщенным... Не зря этот сорт называют еще Красильщиком. Ваш коллега, так сказать.

Художник встрепенулся и даже подпрыгнул на месте, в акробатическом прыжке успевая перебраться ногами. От этого чудачества кот вскочил с постели и на всякий случай нырнул под раскладушку.

– Вот это я понимаю! Вот это я уже понимаю...

Затем хозяин мастерской, взяв одну бутылку, куда-то ее припрятал, а для второй нашел чашки, заглянул в них и остатки чего-то предыдущего и непонятного просто выплеснул на пол.

– Чем же открыть, чем же... – поразмышлял он и после некоторых манипуляций с вилкой.

Наконец его зубы вцепились в застрявшую на половину пробку.

– Давайте чокнемся... Вот только за что?

– За нее, – и гость мрачно показал на мольберт с недорисованной девочкой.

– Тогда и за ее несчастную мать! – добавил трагедии Козломордый.

Выпив, художник тут же повеселел, тут же плеснул себе в чашку. Его припухшие глаза затуманились.

– Ох уж точно спирт добавляют, ох уж точно... – стал приговаривать он, оглянувшись на мольберт. – Капиталисты хреновы!

Казалось, больная девочка с вымученной улыбкой наблюдает за пьющими в ее честь мужчинами.

– Вика – добрая девочка, – сказал он немного спустя, – я часто вижу их на Арбате.

– Они тоже где-то живут поблизости? – поинтересовался гость.

– Насколько я знаю, живут они в Куево-Кукуево у какой-то дальней родственницы, а здесь они выклянчивают деньги, тут близехонько за «Му-му» есть банк. Директор этого банка жуткий скупердяй, отец девочки.

– И что же он совсем им не помогает?

– Пока нет, но Люда решила взять его измором, – ухмыльнулся Козломордый. – Девочке нужно поддерживать свое хрупкое равновесие уколами, а на все это нужны деньги, очень большие деньги. Как видите, мне что-то удалось узнать у ее озлобленной на меня матери, – и Козломордый горько усмехнулся.

– Почему же эта женщина на Вас так злится?

– Это долгая история...

– Я не спешу, – и мужчина в куртке, взяв инициативу в свои руки, наполнил чашки, пока художник с убранными за спину руками, тяжело вздыхая и охая, ходил сторбившись по комнате, собираясь с мыслями.

– Вы же знаете, – нахмурился хозяин чердака, зачем-то тыча пальцем в потолок, – это нелегко вот так взять и погубить свое женское счастье, бросить все свои силы на алтарь страданий, свыкнуться с вечными истериками и криками тающей на глазах дочери, пройти ад унижений...

– А что с этой девочкой? Это что-то врожденное?

– Что Вы, нет! – покачал головой художник. – Обычный синдром иммунодефицита, побочное действие прививки. Произошел какой-то сбой, внутренние органы отказываются работать, нужны постоянно поддерживающие капельницы и консультации, витамины, а на это уходят почти все деньги... И все это продолжается уже года два с лишним, если не больше, и никаких улучшений. Только хуже и хуже. Но Людочка, мама Вики, верит в чудесное исцеление, жутко набожной стала, даже в воскресную школу записалась, колокольчики какие-то делает. Да и я сам тоже иногда в церковку захожу, свечечку ставлю, так, на всякий случай. Мы из-за всех этих дел просто рехнулись на этой почве, и неудивительно, что все, что происходит вокруг, воспринимаем, как божье провидение. И недавно у нас появилась надежда.

– У нас?

– У нас, – Козломордый смахнул скупую слезу, нависнув тучей над гостем.

Видно было, как он всеми силами борется с переживаниями, как глотает каждое слово. Мужчины молча чокнулись, осушая чашки до дна, и слышно было, как в этом затянувшемся молчании жужжит запутавшаяся где-то в паутине муха. Затем Козломордый нервно прошелся по комнате, поднимая руки вверх, намеренно и с каким-то ожесточением отколупывая ногтями побелку. Она сыпалась ему на шапочку, точно снег.

– Господи, я тут схожу с ума, – шептал он, сверкая нездоровым, почти безумным блеском глаз. – Ненавистная комнатка! Ненавистная...

И когда он остановился под наброском вазы с яблоками, то мужчина в куртке даже зажмурился, ожидая, что эти плохо начерченные яблоки от столь резких жестов посыплются на голову безумцу. И если вначале гость объяснял все эти театральные кривляния на публику утонченностью натуры, ищущей пути и выходы из творческого застоя и затянувшегося душевного кризиса, то сейчас уже не сомневался в том, что художник этот как-то незаметно для всех спятил.

– Вы знаете, сколько стоит эта каморка? – продолжил художник в каком-то душевном отупении, оглядываясь по сторонам, будто в первый раз видя перед собой эту комнату. – Один банк, тоже здесь на Арбате, заинтересован в ее приобретении. Я даже наводил справки и, по крайней мере, залога под нее должно хватить...

– Хватить на что?

– Да, да... – и художник вдруг перешел на загадочный шепот. – Ждать больше нельзя, болезнь прогрессирует. Еще в начале лета я видел эту девочку на ногах, розовощекую, улыбающуюся и разгуливающую под руку со своей любимой мамой, а сейчас глядя на все это, невозможно даже представить... Вику срочно надо класть в специальную клинику, есть договоренности, внесен даже задаток. И я, признаюсь, потерял покой и сон от понимания того, что могу помочь этим случайным мне людям.

– Так в чем же дело?

Козломордый встал перед гостем и, глядя ему прямо в глаза, строго спросил:

– Вы когда-нибудь, сударь, совершали подвиг?

Мужчина в куртке задумался, не сразу находя, что ответить.

– Ну, там спасение утопающего или, может, вытаскивали кого-нибудь во время пожара? – подсказал художник. – Или, может быть, Вы заступились за женщину перед хулиганами?

– Сложно сказать. Я никогда не задумывался над этим. Моя жизнь всегда текла по течению. Одни вещи были, которые я делал неумышленно, другие потому, что другие говорили, что так надо делать. Вчера я весь день шлялся по городу, сегодня вот пью с Вами...

– Да уж велик подвиг... Но Вы не одиноки в этой компании. Я тоже, сколько себя помню, жил все время для себя, думал, пушай другие из себя благородных девиц изображают, в ус посмеивался... Думал, мое дело тихое, обхитрю эту жизнь, а под конец, может, и куш сниму. Ан нет! Одиночество и подагра – вот мои прихлебатели. А, впрочем, что я говорю! – и он махнул безнадежно рукой. – Мы все зарываем голову в песок, когда видим чужие страдания, считаем, что нас это никогда не коснется.

– Да, тут Вы правы, – согласился мужчина в куртке. – Мы живем в царстве страха и безразличия...

– Вот-вот, метко подмечено, сударь! Страх и безразличие... Отдать последнюю рубашку может далеко не каждый... Вы знаете, как у меня сердце обрывается, когда я каждый раз слышу скрип инвалидного кресла, я просто вздрагиваю, осознавая, что у меня есть возможность – спасти эту детскую жизнь... – художник замолчал, собираясь с духом.

– На днях я обещал ее матери, – продолжил он, – бил себя в грудь при случайных свидетелях, что помогу им с лечением... И мы даже ходили в банк, и там обещали без вопросов дать под залог этой хибары проклятые десять тысяч... О, Вы бы видели, как засияло лицо этой прекрасной женщины! Оно сияло надеждой и бесконечной благодарностью. Да что благодарностью! Оно сияло любовью ко мне, и, глядя на это лицо, я вдруг испугался, что не оправдаю эти надежды. Да, сударь! Мне стало очень страшно...

– Чего же? – спросил гость, чувствуя, как страх рассказчика невольно передается и ему.

– Мне стало страшно, – продолжал художник, – что я не герой, что все, что я делаю сейчас, делаю для себя, для подлой галочки, что в этой моей ущербной подлости мне только

одного и надо, чтобы толкнуть обманутую женщину на эту грязную раскладушку и что она в такой безвыходной ситуации никогда не откажет мне в моей пошлости... Да и кто я такой, чтобы жертвовать собой ради других? На то есть государство, олигархи, кто-то еще, но никак не я, жалкий, никчемный старик... – и он вдруг зарыдал, закусив кулак. – О, я подлец! Ну, дайте же, не томите...

Мужчина в куртке уже разлил, когда рассказывающий со слезами подскочил к столу и схватил чашку двумя непослушными дрожащими ладонями.

– Да, я передумал, – продолжил Козломордый. – Струсил в тот самый момент, когда она уже уверовала в исцеление своей дочери и боготворила меня... Вот почему она меня ненавидит! И правильно делает...

– Это жестоко...

– Жестоко, не спорю... Но я и, правда, верил, клянусь Вам, до последней минуты своей веры верил, что смогу решиться на эту сакральную жертву...

Художник взял пустую бутылку, повертел ее в руках и присосался к горлушку.

– Пейте, мне уже достаточно, – и гость протянул свою недопитую чашку.

– Спасибо! Вы прекрасный человек, просто замечательный. Приходите ко мне еще, в любое время, в любую погоду, когда Вам будет угодно. Даже ночью. Особенно ночью, когда бессонница душит меня не хуже удавки. Ключи всегда под ковриком, я буду ждать...

– Но почему Вы держите ключи под ковриком? Вас могут обворовать.

– Ну, сударь, это право, смешно! Во-первых, я такой растеряха, что уже устал терять ключи и просить местного дворника выставить дверь, в какой-то момент нам всем это изрядно надоело, а во-вторых, у меня нечего брать. Оглянитесь... Хотя постоит... Все самое дорогое в этой старой банке, – и художник, покачиваясь, подошел к мольберту.

Там он, подняв с пола жестяную баночку из-под леденцов, встряхнул ею. Редкие мелки и угольки загрохотали в ней, часть из них посыпалось на пол.

– Пока она гремит, не все так плохо, сударь. Жизнь без нее давно бы потеряла смысл.

Затем художник посмотрел на свою неоконченную работу и вздохнул.

– У Вас замечательно получилось, – высказался гость.

– Вы так считаете?

– Думаю, Вам сложно будет завязать.

– О, – улыбнулся художник грустно. – Пожалуй, я все же брошу! Думаю, это последняя моя бутылка. И Вы не представляете, как я Вам благодарен, что разделили ее со мной.

Гость ухмыльнулся. Художник заметил это.

– Та вторая не в счет. Когда Вы уйдете, она утолит мое одиночество, – оправдался он. – Вы знаете, только Вам я могу признаться, сударь, только Вам, у меня нет друзей, нет родственников, я совершенно один. Ну, разве что еще Макбет. Но он старый обдрипанный кот и не в счет... Где он кстати? Кыс-сс...

Козломордый отвлекся, покачиваясь и подзывая из-под раскладушки кота, но тот упорно не желал выходить и даже шипел на попытки выманить его оттуда.

– Вы знаете, что она приходила ко мне, поправ свою женскую гордость, бросалась в ноги и умоляла, чтобы я одумался и сдержал слово... Она целовала мои руки, умывала их своими обманутыми надеждами слезами... – и художник продемонстрировал гостю свои изуродованные подагрой пальцы, внимательно и с какой-то ностальгией разглядывая их. – И я толкнул ее вот сюда, на эту грязную блохастую постель, я желал мерзости, я заслуживал ее, – и он подошел к окну, убедился, что оно закрыто. – Но вместо мерзости была пустота...

Затем Козломордый схватился за голову и снова стал хаотично ходить по комнате, срывая со стен свои натюрморты. Он не шадил ничего.

– Она уже никогда не придет... никогда... Страшно, страшно, сударь... – отдышался он. Художник опять остановился в центре комнаты и задумался.

– И Вы знаете, – припомнил он, хватаясь за грудь, – сердце так ноет, так ноет... Темнота там, мрак. Ничего не могу вспомнить, разве что этот сорванный нелепый платок, разбросанные по подушке рано поседевшие тицианские волосы, закрытые, полные слез глаза и этот богобоязненный бред: «Бог любит меня, Бог любит меня»...

Козломордый вдруг задрожал, и на его лице появилась гримаса ужаса.

– Слышите, слышите, никогда не обещайте того, что не можете выполнить. Особенно женщине, которую любит Бог!

Затем он бросился в порыве какого-то одичания на постель и, уткнувшись бородой в подушку, горько заплакал.

Эти рыдания были недолгими, прерывистыми и быстро сменились напористым храпом. Большие черные глаза с мольберта смотрели на все это с какой-то легкой насмешкой.

Вышедший из-под раскладушки Макбет проводил гостя до двери, жалобно мяукая, словно жаловался на хозяина, жаловался на свою никчемную жизнь без мышей, без рыбы из ресторана «Прага», просился истошно на улицу, терся о ноги своей взъерошенной шерстью. Но когда гость открыл дверь и позвал его за собой, тот неодобрительно фыркнул и поспешил затеряться в углу темной комнаты.

Инцидент у ресторана

Голуби сиротливо бродили между опустевшими столиками. Иногда они взлетали, напуганные чем-то, и долго кружились в сером тоскливом небе Арбата. Строители уже приступили к разбору летней террасы. Часть плетеного заборчика с перевернутыми крынками была свалена небрежно в кучу, но по каким-то причинам работяги отлучились, и эти следы неоконченной работы наводили на прохожих еще большую хандру. В город пришла осень. Ветер беззвучно качал тронутые холодами цветы на клумбах. Все спешили куда-то, держа над головами зонтики и закутываясь на ходу в плащи и куртки.

Редкие посетители ютились внутри. Их лица, увлеченные друг другом, сияли сквозь запотевшие витрины ресторана. Приятный аромат выпечки ощущался на улице, когда кто-то открывал дверь. Не от каждого ресторана так вкусно пахнет, и одинокий мужчина присел за один из пустых столиков под крышей наполовину убранной террасы. Из ресторана тут же выбежала молоденькая официантка в вышитом сарафанчике и забавный южнорусский говор с ее напомаженных губ приятно заласкал ухо.

– Добрый ранок. Проходите сюда... Литняя тираса не працуюе. (Летняя терраса не работает).

Она была как куколка, аккуратненькая, милая, невысокого роста. Своими отточенными в чулочках ножками девушка явно гордилась, выставляя их как-то вперед, словно на показ, на ходу поднимая подол чуть выше колена. Поверх сарафана был надет фирменный фартук самого заведения, он едва согревал ее.

– Спасибо, но мне и здесь хорошо, – ответил гость, разглядывая невольно узоры на ее вышитом сарафанчике. – Сколько у Вас стоит чашка чая?

– Дивлячись який чай. (Смотря какой чай...)

Уже скоро перед мужчиной поставили поднос с чайничком и чашкой из белого фаянса.

– Замовте що-небудь ще? (Будете что-нибудь еще?) – поинтересовалась она у гостя, ставляя посуду на столик. – У нас е смачне булочки. (У нас вкусные булочки).

– Я уже заметил, – улыбнулся он, и официантка, пару раз кокетливо оглянувшись, смеясь пошла к двери. Видно было, что такие недвусмысленные шуточки в ее адрес пришлись ей по нраву.

Чай был очень горячим. Мужчина пил его мелкими глотками, поглядывая на проходящих мимо симпатичных женщин. Ему хотелось заняться со всеми ними сексом, войти в какое-то отвлеченное состояние, лишь бы не думать о предстоящем разводе. Уже вернулись работники и продолжили с привычной руганью разбирать конструкцию. Они стали сдвигать столики и стулья, не трогая только ту часть террасы, где еще сидел посетитель.

– Може, все-таки ходимо до нас? – выглянула из двери официантка, явно неровнодышащая к гостю.

– Да, пройдите, товарищ, в заведение. Не мешайте работать! – поддержал ее один из работяг.

Кувалда в жилистой руке исключала любые возражения. Гость приподнялся, и обрадованная официантка придержала перед ним дверь заведения, заверяя, что она все перенесет с улицы, и пусть он снимает свою чудесную курточку и устраивается поудобнее. Мужчина заметил несколько маленьких родинок на ее загорелой шее, и ему захотелось их поцеловать. Он даже пожалел, что для пушей дерзости он недостаточно пьян. Алкоголь, распитый в каморке с уличным художником пару часов назад, уже выветрился из головы. На счастье проход ему преградил поднос, на котором стояли налитые до краев рюмки, а вокруг была разложена простая закуска: пучки зеленого лука и ржаной, подсушенный хлебец с тонко нарезанным, почти прозрачным салом.

– Ласкаво просимо, – почтено поклонился вновь вошедшему казачок в красных шароварах и подпоясанной белой вышиванке. На ногах у него были стоптанные сапоги, в одном из которых торчала засунутая плеть.

Какая-то глупая голодная улыбка появилась на слегка покрасневшем лице гостя. Сало, поперченное и с чесночком, пахло волшебю. Казачок подмигнул и проговорил в ус многозначительное:

– А то!

– Ну, уговорили, братцы! – осушил гость рюмочку под одобрителный взгляд казака, осторожно вернув ее на поднос.

Горилка была чудесной и пилаь как мягкая водица, и руки сами потянулись за второй рюмкой и хлебом с салом. Затем счастливчика провели к свободному диванчику за шторками. Там на столике стоял кальян и была хрустальная пепельница, и гость даже удивился пронизательности хохлушки. Он и вправду был не прочь закурить, хотя не курил, наверно, со студенческой скамьи.

– Пачку сигарет, пожалуйста, Софочка, самых дешевых, – попросил он, успев прочитать ее имя на бейджике.

Все остальное она рассказала о себе сама, как какую-то красивую сказку, когда он, немного смущенный, проходил мимо столиков, по пути здороваясь с другими посетителями и служащими. И ему даже кто-то кивал в ответ и шептал «здрости», хотя это было в данной ситуации необязательно. Девушка оказалась из Волынской области, с какого-то хутора, а муж ее или парень, он точно не понял из ее отрывистой речи, на майдане нахватался нацистских взглядов и уже год безвылазно служил в АТО, убивая русских.

– Меня он точно убьет, если увидит сейчас с тобой, – отшутился тогда гость и, присев на мягкий диванчик, взял в руки меню.

– Та що! Він сліпий, стріляти не вміє. (Да что! Он слепой, стрелять не умеет), – и Софочка склонилась над гостем, подсказывая, что лучше взять.

Ее черные локоны приятно коснулись его небритой щеки, и он на мгновение задумался, заказывать ему украинский борщ или обойтись варениками со сметаной.

С улицы принесли его чай, и, пока готовился заказ, мужчина закурил. Пуская клубы дыма, быстро заполнившего эту маленькую комнатку с занавешенными шторками, он следил со взглядом знатока за точеными ножками официантки, как быстро она семенит ими, на ходу приподнимая подол своего красивого сарафанчика.

– Як вам борщ? – спросила Софочка, когда он вмиг проглотил его.

– Чудесно. Пожалуй, еще сто грамм Вашей горилки и мне пора на выход. А то я тут останусь навсегда.

– Так залишайте ж! (Так оставайтесь!) – официантка забрала пустую тарелку и, было уже, пошла за графинчиком, когда он остановил ее за руку.

Было в этом естественном движении что-то дружеское и даже наставническое. Девушка даже не одернула руку, лишь своими черными смеющимися глазами посмотрела на него с лукавым задором.

– Софочка... милая Софочка... Пойдемте куда-нибудь...

– Али куди? – рассмеялась девушка.

В этот момент между шторками мелькнул силуэт в красном, и гость изменился в лице. Этот знакомый ему силуэт с маленькой стильной сумочкой словно намеренно задержался перед его затуманенным взором, совсем не спеша скрыться в уборной. Возможно, там на проходе висело зеркало, и женщина на ходу замедлила шаг, чтобы поправить прическу.

– Ну, все забув мене. Вси ви, мужики, таки! (Ну все, забыл меня! Все вы, мужики, такие) – и Софочка, славная хохотушка, легкодоступная и отходчивая, приняла все это на свой счет, считая, что вся ее беспечная, никому не обязанная молодость с девичьим шальным визгом

и диким хуторским гоготанием неожиданно проиграла перед самодостаточностью и спокойной холодностью, таящей в себе смертоносное жало, москвички.

– Прокляти москали, – только улыбнулась она натянутой улыбкой и самоотверженно пошла обслуживать столик, где ее ждали другие посетители.

Мужчина в куртке откинулся на диванчик и небрежно чиркнул спичкой. Некогда манящие ножки официантки, которые та уже и так неприлично оголила, что сидящие за ближайшими столиками могли заметить ажурные подвязки для поддержания чулок, уже не казались ему такими желанными. Спичка сломалась. И когда сигарета в его зубах все же задымила, сомнений больше не оставалось. В посетительнице ресторана он узнал ту самую незнакомку из метро.

Ее столик располагался у витрины под большой абажурной лампой, где сидел полный и хорошо пропотевший от горячего чая господин средних лет. Он только что расплатился картой в ожидании своей спутницы. Закинув вальяжно ногу на ногу, продемонстрировав чистейшую подошву своего лакированного ботинка, он взял со стола газету и развернул ее. Когда же его спутница вернулась, полный господин оторвался от чтения газеты и попросил ее в повелительном тоне снять с вешалки его шляпу и передать ему. Судя по всему, это было в порядке вещей, и она выполнила все его поручения беспрекословно. Затем без посторонней помощи она сама стала одеваться, накинув на свои оголенные плечи пальто из альпака, и, не дожидаясь, пока полный господин соизволит встать из-за стола, направилась к выходу.

– Не забудьте-с, ингушам под десять! – проворчал полный господин напоследок, когда она уже почти выскользнула из ресторана.

Затем он неторопливо сложил газету и с трудом поднялся, животом задевая столик. Подойдя вразвалочку к усатому казачонку, жирдяй усмехнулся, как-то неодобрительно рассматривая протянутый ему поднос.

– На посошок, Вениамин Кристофорович, – расплылся в заискивающей улыбке казачок, но важный клиент намеренно медлил, надевая на голову свой английский котелок из качественного фетра, с атласной лентой и бабочкой, очевидно, ручной работы.

Наконец, его пухлые, отягчаемые золотыми перстнями пальцы потянулись за рюмочкой.

– Ну, ты и жид, Микола, – опять ухмыльнулся он. – Что у вас за мензурки? А?

– Исправим, Вениамин Кристофорович, исправим. Я сам не рад. Разливаются, опрокидываются...

Проводить толстяка сбежали почти все халдеи заведения, повара, охрана. Каждый норовил отличиться перед ним в той или иной любезности, непременно одаряя его при этом словами заискивающей благодарности. Софочка видимо замечталась, оттесненная другими официантками, и не заметила, как встала на пути толстяка.

– Ты чё, дура, здесь встала? – проворчал полный господин на нее и, задев грубо плечом, точно масляный ком, выкатился наружу, так ни с кем и не попрощавшись.

– До свидания, Вениамин Кристофорович, – кричали ему все хором.

Все видели этот инцидент, но присутствующие в зале, и персонал, и гости, и уж тем более, охрана, отвечающая за порядок, сделали вид, что ничего особого не произошло, да и сама потерпевшая поспешила сразу к ждавшему ее клиенту.

– Вибачте мене, пардон, – сказала она мужчине в куртке, поднося счет. – Дуже важливый хлопец. У нього тут недалече свий банк на Сивцев Вражке. (Извините меня, был очень важный клиент. У него свой банк здесь недалеко, на Сивцев Вражке).

– Негодяй он, а не важливый хлопец, – возмутился мужчина в куртке, спеша оплатить счет.

– Приходьте ще. Я працюю через два дни, – заметно расстроилась Софочка уходящему вслед. (Приходите еще, я работаю через два дня).

Она до конца надеялась, что приглянувшийся ей клиент оставит хотя бы свой номер или сам спросит у нее заветные цифры. Она даже была не против, что он поцелует ее в щеку на прощание или ущипнет за ляжку.

Когда мужчина в куртке догнал толстого господина на улице в нескольких метрах от ресторана, то сначала хотел ему высказать все, что он о нем думает. Но, увидев перед собой надменную, лоснящуюся от довольства рожу, ленивую до того, что даже не выразившую никаких признаков удивления, кроме отвращения, он, уже не задавая лишних вопросов, дал по ней кулаком. Тот взвизгнул, схватившись за нос и сделал вялую попытку замахнуться в ответ. Но его вдруг остановил скрип инвалидной коляски. По Арбату шла невзрачная женщина и везла перед собой девочку. Устраивать драку на глазах этой девочки никому не хотелось, и вцепившиеся было друг в друга мужчины расступились.

– Что Вам-с угодно-с? – спросил его толстяк, вытирая платком окровавленный нос.

– Обознался, – ответили ему, уходя на другую сторону улицы.

– В следующий раз очки-с купи, дрянь-с, – недовольно проворчал полный господин.

Драка могла вспыхнуть вновь, но толстяк заметил уставившихся на него невзрачную женщину и ее дочь и поспешил прочь, отмахиваясь, точно от назойливых мух.

– Неужели у тебя нет сердца! Мы еще можем ее спасти! – закричала ему вслед женщина. – Твоя дочь умирает, а ты убегаешь, словно последний трус!

– Черт Вас побрал, попрошайки! – выругался он, оправдываясь перед встречными прохожими. – Я их совсем не знаю, безумные...

Непристойное поведение

За пять минут до конца рабочего дня, когда сотрудники посматривали на часы, мысленно подгоняя минутную стрелку, у кассы по выдаче займов возникла совсем ненужная возня. Возня вначале происходила на повышенных тонах между двумя мужчинами и вскоре вылилась в потасовку с хватанием за одежду и даже тасканием за бороду.

Тощий старичок в оранжевом свитере, с взъерошенной бородкой и покрасневшим от пьянства носом, настойчиво отталкивал толстого господина, упирался в него всеми силами и даже скользил на полу ногами, так как сдвинуть толстого господина с места было невозможно.

– Так-с, – твердил толстяк, напирая на тощего своим внушительным пузом. – Прошу-с освободить помещение.

– Я требую немедленно директора банка...

– Так-с! Я Вас слушаю.

– Я заслуженный художник Арбата...

– Так-с!

– Убью!

– Так-с!

Сотрудники банка чувствовали неловкость и переглядывались, так как дело, по-видимому, набирало обороты. Художник уже переходил на личности, его броски становились все более агрессивными, но толстяк держался, и на предложение кассирши вызвать полицию лишь усмехнулся. Она восседала на высоком кресле, точно царица на троне, и была облачена в нехарактерное для обычной работницы банка красное платье с широким поясом и декольте. В нем она смотрелась на фоне серых трудовых будней крайне выигрышно.

Стоит отметить, что представительницы женского пола, которые носят такие шикарные платья, обычно нигде не работают или, на худой конец, имеют свой маленький бизнес при весьма состоятельном муже. Но, тем не менее, такая эффектная дама сидела за кассой едва приметного банка и ждала инструкций от толстяка. Последний, как оказалось, и был директором, лицом ответственным и значимым. И решение по выдаче займа под залог недвижимости полностью зависело от него.

– Ничего-с, Катерина Андреевна, спасибо-с за беспокойство, – сказал толстяк, – но мы с этим притклым господином сами все уладим-с. Не так ли-с, мюсю?

Тем временем, притклый господин, в котором легко угадывался уличный художник, начал уже взывать к справедливости и всему такому, к чему обычно прибегает спорщик, когда физические силы не совсем в его пользу. Для пущей убедительности он осовелым взглядом обращался и к другим сотрудникам банка, немногочисленным и старающимся не попадаться ему на глаза, прячась за рутинной своей работы. Кто ксерил какие-то ненужные бумажки, кто набивал что-то на клавиатуре.

– А как же клиент всегда прав. Ну, как же так-с! – передразнивали директора банка, делая акцент на «так-с».

– А вот так-с! – отвечал директор.

– Как же нехорошо получается... Как же нехорошо! – вопил художник. – Ведь черным по белому написано. Займ в день обращения в любой валюте по текущему курсу. Вот свежая выписка, вот оценка, вот, кстати, Ваша загогулина, сударь... Как же так-с?

– А так-с, многоуважаемый, что со вчерашнего дня на бирже шатание, и выдача займов требует консультаций со всеми членами совета директоров банка, а тут подписи только двух человек, – слово «человеки» было выговорено тщательно, с долей издевки. – Моя и, кажется, Ваша. Да-с, и оценкой этой можете подтереться...

– Да что Вы, сударь! Вы сами приезжали ко мне в позапрошлую среду, как помню. Вам еще местечко очень понравилось.

– Так-с, – нахмурился толстяк, когда перед ним замахали и затыкали какими-то справками и договорами, на которых мелькала его размашистая подпись. – Ну, приезжал-с. Ну, договаривались. Да мало ли я к кому приезжаю-с и договариваюсь! А подпись еще экспертизой проверить надо-с. Между прочем-м, в моем банке процедура-с платная.

Грабить людей для банкира было привычным делом. На этом зиждется бизнес – привлечь остро нуждающихся в деньгах глупцов, как можно больше напугать, прогнуть в цене и, если все пойдет удачно, затем обобрать, как нитку. В данном случае такие сделки, а точнее махинации с выдачей займов под залог недвижимости, ювелирных ценностей и антиквариата без поручителя были привычным явлением. Клиент, одержимый идеей заключить «выгодный» ему договор, бывало даже, из собственного кармана оплачивал вынужденные расходы. Только по линии оценок и других сомнительных процедур учреждение зарабатывало кругленькие суммы.

– Как Вам не совестно! – закачал головой расстроенный художник. – Мы же уже все обсудили. Оценка была в пятнадцать...

– Вот-с именно была-с, любезнейший! А сегодня пятнадцать просто-с разорение. Рынок недвижимости-с рушится... Спуститесь с небес. Кризис!

– Хотя бы одиннадцать, – слезно просил художник. – Я много не прошу...

Толстяк еще раз посмотрел на старичка в свитере, тыкающего ему в лицо ворохом бумаг, и посчитал, что клиент созрел. Осталось снять вишенку с торта.

– И одиннадцать многовато, там коммуникаций нет никаких...

– Зато какие исторические виды и никаких наследников! – стал перечислять преимущества своего жилья художник, припертый пузом толстого господина.

– Никаких наследников-с это хорошо-с, – пробормотал директор и задумался, точно давая этим задумчивым видом определенную надежду.

Нет, он не пожалел несчастного. Он, напротив, рассматривал последнего как некую ритуальную жертву, отданную на алтарь грабительного капитализма, а сам был в роли плотоядного и жестокого жреца, фанатично преклоняющегося Золотому Тельцу.

Между тем, минутная стрелка часов подкралась к восемнадцати, и сотрудники банка зашевелились, собираясь уходить, но Козломордый всем своим видом дал понять, что для него рабочий день не закончился, и со всех сил ударил ладонями по стеклу кассы. Оно пугающе завибрировало.

– Что Вы делаете! Разобьете! – испугалась кассирша.

– А я думал, у Вас оно бронестойкое!

– Это у Вас руки бронестойкие... Вениамин Кристофорович, давайте все же вызовем полицию!

– Да, пожалуй-с, вызывай, Катенька-с, – согласился толстяк.

– Не уйду, – закричал вдруг на весь зал Козломордый, всем видом давая понять, что будет стоять насмерть, и вновь ударил по стеклу. – Давайте десять!

Катерина Андреевна вздрогнула. Такие внезапные неистовые удары ладонями перед ее лицом пугали ее.

– Мужчина, как Вы меня достали! – лишь вымолвила она. – Тут не полицию надо вызывать, Вениамин Кристофорович, а санитаров.

– Вызывайте кого хотите, – ухмыльнулся буян, – но я лучше умру, чем уйду без денег.

– Так-с, да помирайте-с быстрее, только вот тут-с подпишите-с! – потер в ладоши толстяк, подсовывая Козломордому новый договор.

– Сволочи, грабители! – говорил Козломордый, продолжая стучать по стеклу. – Да тут девять, а не десять!

Но все эти возражения были бесполезны, все в зале знали, что клиент сейчас все подмахнет.

– Ну, знаете... – не нашла слов кассирша и намерено отъехала на кресле немного назад.

С каждой секундой она признавалась себе, что чертовски устала. Все эти махинации с грязными деньгами, проходившие мимо нее и при ее участии, оставляли каждый раз на душе неприятный осадок. Будто она сама лично обманывала этих несчастных, и, может быть, так оно и было. Она была соучастницей. Ее использовали, и она получала за это часть этих грязных денег.

Ее колени вдруг раздвинулись. И сейчас, когда споривших о цене займа мужчинам стало видно ее нижнее белье (ее свободное платье с разрезом позволяло это), она вновь испытала то гадливое, давно забытое чувство, как много лет назад, перед толпой студентов, когда ее словно изнасиловали прилюдно. Тогда она лежала в гинекологии после операции. Непроходимость труб, кисты или что-то такое, все это давно могло стереться в памяти, но только не последующее унижение. Когда она лежала на гинекологическом кресле, в кабинет зашла толпа обучающихся студентов. Ей и так было страшно чисто физически раздвинуть ноги перед незнакомым человеком, пусть и в медицинском халате, а тут на нее с нескрываемым патологическим интересом глазели еще вчерашние старшеклассники...

Зачем она это сделала? Зачем? Какой-то грязный алкоголик, лишаящийся за выпивку единственного жилья, тиран-директор, давно потерявший влечение ко всему живому и прекрасному, думающий лишь о своей прибыли... Тупорылые и недалекие охранники со своими пошлыми шуточками. Все эти завистливые тетki с климаксом, дышащие в затылок... Они не достойны даже дышать с ней одним воздухом... Все окружение пробуждало в ней в этот момент неприятнейшее отвращение.

Потом ей захотелось срочно бежать отсюда, но куда? К невыносимому до дрожи мужу-эгоисту, с которым она погубила молодость или к мосту, по которому она ходила дважды в день, идя на работу и возвращаясь обратно домой. «Нет, лучше за границу», – подумала она вдруг, но отмела и эту спасительную мысль. Она использовала свой редкий отпуск для курортных связей, но быстро разочаровалась в тамошних мужчинах. Все они были слишком инфантильны и предсказуемы.

– М-да, приплыли... Потрясающе, ярко, образно... – обомлел художник, разглядывая просвечивающее нижнее белье кассирши. Потом он как будто проснулся и стал внимательно созерцать Катерину Андреевну с ног до головы, пока ему толстяк подсовывал ручку для подписи. – Какая женщина, какой взгляд... Настоящая царица, богиня! Что Вы вообще делаете в этой дыре? А цвет платье-то, платье... просто шик! Как долго я искал его... Это просто чудо чудное! Его непременно нужно у Вас позаимствовать, если не возражаете.

– Катерина Андреевна, ну, этого психа к черту-с! – и толстяк, сняв с головы свой котелок, вытер пот со лба белым платочком.

Ему не нравилось, что Козломордый, подписав договор, не возвращает ему Parker. Но это еще было полбеды. Также толстяк, безусловно, видел всю эту инсинуацию грязных желаний своей работницы и впервые отметил про себя неоспоримо полезные в бизнесе способности этой женщины. Как опытный делец, он уже предчувствовал, что эта красотка в скором времени будет поднимать свои ставки.

– Может, босс, его устроить в нашу коллекторскую службу? – подошедший на помощь в зале охранник и тоже попробовал отобрать ручку. Наконец ему удалось это. – Как пиявка присосался!

– Нет уж, хватит-с мне дармоедов! – проворчал толстяк, про себя довольный что ему вернули ручку. – Выдайте-с, Катерина Андреевна, Федору Кузмичу, что ему полагается-с, и пусть уматывает отсюда-с, пока я не передумал-с.

Кассирша уже прекратила провокацию, и ее пальцы оказались на клавиатуре, готовые напечатать ордер. В самую последнюю минуту перед выдачей она еще раз вопросительно посмотрела на директора, вытирающего пот с заплывшего лица и за воротом шеи. Тот лишь кивнул одобритительно.

– Девять тысяч, Вениамин Кристофорович.

– Отлично-с, – обрадовался директор и бестактно подтолкнул художника, чтобы тот потопился. – За неурочные не платите же!

– Ну и жулики, ну и жулики! – твердил Козломордый про себя, засовывая спешно пачку банкнот себе куда-то под свитер.

Зоркий глаз охранника следил за каждым его движением, и когда одна из банкнот выпала, ее ловко на лету подхватили.

– Это тебе, дурак, на чай, – выругался клиент и побежал к выходу.

– Еще пожалеешь, маляр! – прохрипел оскорбленный охранник, пока в суматохе тот толкал дверь не в ту сторону, искренно не понимая, почему она не открывается, а надо было лишь по-другому потянуть ручку. – Прогадал ты! Тут не дичь какая-то, а частный банк. Тут деньги не рисуют, тут деньги отнимают.

Наконец художник открыл дверь и перед тем, как выбраться на улицу, сделал издевательский реверанс кассирше, выдавшей ему займ.

– Мое почтение, сударыня! – попрощался он.

– Пшли-с вон! – завопил директор, не желая больше слушать ехидство клиента. – Пшли-с вон!

Затем толстяк хлопнул в ладоши и прокричал:

– Закрываемся, девочки! Все-с могут быть свободны-с.

Но все это было излишним. Все только и ждали, чтобы покинуть помещение. И в приглушенном свете мимо директора быстро замелькали тени спешащих сотрудников, и скоро в банке никого не осталось. Лишь кассирша в красном крутанулась на кресле, дважды показывая боссу свою татуированную спину. В ее руке уже было заявление об увольнении по собственному желанию, и она положила его в ящик кассы и выдвинула наружу.

– Сегодня-с, наверно, затмение-с на солнце. Один-с псих прямо на улице-с наскочил-с, чуть с ног-с не сбил. А этот-с с бородкой охранникам чаевые раздаст-с, точно в дешевой кофейне-с!

Поросычьи глазки толстяка пытливо пробежались по заявлению, пока кассирша терпеливо ожидала свой вердикт.

– В Париже сейчас мода-с на мини-юбки, – сказал, наконец, директор банка, – даже господствуют-с футуристические образы. Но согласитесь, Катерина Андреевна, что в платье-с женщина смотрится куда-с привлекательней. Вы меня сегодня-с очень удивили-с с этими Вашими-с фокусами-с... Прямо Шерон-с Стоун! Как Вы его пригвоздили-с, как... это надо было видеть-с!

Затем он на глазах кассирши разорвал ее заявление на несколько маленьких кусочков.

– Сегодня-с, Вы были на высоте-с, Катерина Андреевна. Пожалуй-с, пришло время поговорить-с о повышении оклада-с.

Но Катерина Андреевна отрицательно покачала головой.

– Дело не в зарплате, Вениамин Кристофорович, а в перспективах. Мне все осточертело, – и она повела ребром ладони по горлу. – Сидеть в душном офисе все дни напролет и заниматься раскулачиванием населения, увы, но это не моя стезя. Я Вам еще сегодня за обедом говорила об этом, что собираюсь уходить, но сейчас вдруг поняла, что надо действовать решительно.

И она потянулась за новым листком бумаги, чтобы еще раз написать заявление.

Одна в ночи

Ветер сильно подул в лицо, и она, повернувшись к нему спиной, какое-то время стояла, пережидая этот внезапный вихрь. Ее пальто из альпака выделялось в темноте белым, колышущимся пятном. На мосту в этот час никого не было, лишь изредка проносились автомобили, освещая фарами одинокую женщину. Она подошла к краю, подгоняемая ветром, и положила свои озябшие руки на перила. Она часто так делала, размышляя о бренности жизни, вглядываясь в бездну омота, манившую ее каждый раз, когда она шла на ненавистную ей работу или возвращалась с нее. Этот качающийся через реку мост словно специально воздвигли на ее пути, чтобы она понимала, как шатка эта конструкция по имени жизнь. Именно сейчас, когда она покинула банк навсегда, омут особенно пугающе притягивал к себе, манил в свои темные воды, в которых отражались блеклые фонари набережной и рекламные вывески близ стоящих зданий.

Она сильно устала за этот день и до сих пор не верила, что все же решилась порвать с ненавистной работой, забирающей все ее жизненные силы, загоняющей ее каждый раз в стыдливое стойло. Сколько ограбленных банком и обреченных на нищенское существование вот так, как и она, стояли, возможно, на этом мосту и вглядывались вниз, решаясь на свой последний прыжок!?

В ее прекрасных глазах уже не было слез. Женщина была полностью опустошена и даже позвонила бывшему мужу, с которым она все еще жила по инерции и делила квартиру. Она переживала, как там ее Кнопа и может ли он встретить ее. Но бывший муж задерживался в клинике и пытался в спешном порядке к завтрашнему утру подготовиться к нашествию комиссии из министерства.

– Катенька, ну чего ты так убиваешься! Ну, успокойся, пожалуйста, – проговорил он в трубку, стараясь сохранить ласковость в голосе. – С Кнопой твоей ничего не случится. Если что, сделает все дела на коврике. Ей не в первой. Я сам буду за полночь. Увы, дела.

Она еще долго слушала в трубке прерывистые гудки и вдруг неожиданно поняла, что в свои сорок лет никакие собаки не заменят детей. Да, она никогда не знала радости материнства, и инстинкт, подогреваемый шумом детских площадок и видом беременных или уже с колясками мамочек, каждый раз толкал ее в состояние неполноценности и даже ничтожности. Ей срочно нужно было заботиться о ком-то, чтобы раньше времени не превратиться в склочную, завистливую, брошенную всеми старуху. Поэтому она пару лет назад завела для себя маленькую собачку – йоркширского терьерчика, девочку, и баловала ее, как только могла, и находила в этом утешение.

Сейчас, когда пелена иллюзий спала, и все вокруг рушилось, сыпалось, словно картонный домик, женщина с татуировкой змеи подумала о своей любимице. Это была спасительная мысль, но и она развеялась вместе с сильным порывом ветра.

Ее муж был бездетен. Возможно, именно невозможность зачать от него ребенка и стала главной причиной развода, хотя как не банально звучит: она никогда никого не любила и вышла замуж лишь из-за статуса. Он был профессор с обширными связями и всегда при деньгах, обладал определенной репутацией. Именно Михаил Александрович устроил ее в банк, когда посчитал, что она сходит с ума в четырех стенах, напрасно строя из себя счастливую домохозяйку.

Но именно в этот момент, как только жена ощутила свободу, пусть и мнимую, но свободу, она и подала на развод, и как отвергнутый муж не отговаривал ее от этого, как он считал, опрометчивого шага, Катерина Андреевна была тверда в своем решении и непоколебима. Единственное, что удалось Михаилу Александровичу, так это упросить ее оставить все как есть, то есть продолжать мирно сосуществовать в одной большой квартире на Ленинском про-

спекте, в доме академиков. Она согласилась, потому что ее удручала вся эта суета с дележом собственности, но она надеялась при первой возможности уйти к другому. Но пока на горизонте не было алого паруса. Достойные ее внимания мужчины были заняты, либо их уже прельщали более молодые и глупые девицы.

Катерина Андреевна печально улыбнулась. Так улыбаются, когда ускользает последняя надежда. Когда она отдыхала в Стамбуле, то познакомилась с ним в метро. У нее еще было пару дней отпуска, и он пригласил ее съездить к морю, в Анталию, и она согласилась. Он прекрасно ухаживал за ней, вел себя как галантный кавалер и обещал луну с неба. Она тогда еще была замужем, но уже была готова к серьезным переменам. Нежась в лучах южного солнца, плескаясь в бликах теплого моря буквально в нескольких метрах от пляжа, она поцеловалась с ним. Возможно, длительное хождение босиком по берегу открыло в ней давно спящую чувствительность, и, как результат, она в прямом смысле окунулась с головой в курортный роман. Это была ее первая подобная близость. До этого она никого к себе не подпускала кроме мужа. И этот соленый поцелуй унес ее в беззаветную, доходящую до самозабвения даль.

Сейчас, стоя ночью на этом мосту и всматриваясь в омут под лютующим порывом ветра, эта женщина вспомнила с теплотой и нежностью, как закрыла в тот сладкий миг глаза и обнимала красавца-мужчину за плечи, не чувствуя дна под ногами. В тот день на анталийском пляже было много народа и целующиеся были хорошо видны, как на ладони. Мужчина-красавец тянул ее подальше в море, опасаясь, что по местным законам все увереннее уходящую в исламизацию Турцию их могут посадить в тюрьму или даже закидать камнями. Она же, разрываемая между желанием плотской любви и страхом перед береговой службой, напротив, искала спасение на суше. Тогда она сделала какой-то неуверенный рывок к пляжу, но он схватил ее за ноги и потянул к себе, любясь изгибами ее тела.

– Каква гузель спин. (Какая прекрасная спина!) – воскликнул он на смеси турецкого и болгарского языка.

Она оттолкнулась от него, испуганная такой внезапной близостью, а собственно, чего она могла ожидать от возбужденного в этот миг мужчины? Он еще крепче притянул ее к себе и, чтобы никто не видел ее инстинктивного сопротивления, погрузил в воду. Она ушла с головой, едва успев глотнуть воздуха, и это, может быть, и спасло ей жизнь.

Через какие-то мгновения она вынырнула, с жадностью глотая воздух, и поплыла испуганная к берегу, придерживая одной рукой оборванный купальник, а ее получивший свое спутник молча и бесшумно поплыл за ней следом, словно касатка, урвавшая свой первый кусок мяса.

Потом она вспомнила свой последний рабочий день, как директор уговаривал ее повременить с увольнением, предлагал двойной оклад и сулил большие перспективы в карьере. Толстяк словно прозрел, осыпая ее щедро комплиментами, и даже сделал намеки на отношения нерабочего характера. Все-таки не зря она в последнее время одевалась в лучшие свои платья! И все было хорошо и даже прекрасно, если бы не тот ужасный момент, когда она в зале, сидя за кассой перед взбалмошным клиентом, специально раздвинула колени. Как она могла опуститься до такого? Сейчас ей стало совестно перед этим опустившимся алкоголиком, закладывающим свое единственное жилье. Она не сомневалась, что старик был уже обречен через месяц или чуть более быть выброшенным судебными приставами на улицу, как, впрочем, и сотни других несчастных. То, что деньги займа проматываются такими представителями общества в первые дни, она не сомневалась.

Она быстро прошла Арбат и нырнула в метро. К платформе подошел поезд, нового типа, современный, весь раскрашенный в какие-то унылые цвета, и она села в пустой вагон, не комфортно чувствуя себя в нем и с опаской оглядываясь. В соседних вагонах были такие же, как она, одинокие и пугливые люди, но их было хотя бы по два или три человека. И когда поезд, пройдя несколько пустынных станций, вдруг встал в туннеле по непонятной причине, она

с ужасом стала искать спасения в посторонних и встретила с одним из них взглядом. Этот был мужчина примерно ее возраста в черной кожаной куртке. Он сидел в соседнем вагоне на ближней лавочке и рассматривал уволенную кассиршу через покачивающиеся от хода стекла вагона. Он, как и она, бросил в ее сторону взгляд человека, не понимающего причину столь внезапной остановки. Свет на мгновение мигнул, чем еще больше напугал Катерину Андреевну. Она ждала с надеждой успокаивающий голос машиниста, который объяснит о произошедшем, но никто ничего не объявлял, и вдруг поезд качнулся и дал ход назад, как будто что-то забыл на предыдущей платформе. Медленно покачивая вагонами, с каким-то неприятным и холодящим душу скрежетом, он вышел на уже проехавшую платформу и остановился. Двери молча открылись и немногочисленные пассажиры вышли. Затем поезд вновь закрыл двери и ушел вперед порожним. Лишь в последнем вагоне спала с открытым ртом, точно неживая и какая-то неухоженная тетка, похожая на кем-то забытую вещь.

«Бедняжка...» – пронеслось в голове Катерины Андреевны, которой везде мерещились жертвы ее мошеннического банка.

Прибыл новый состав, уже обычный, но такой же безлюдный. Ей стало опять страшно, когда она вновь увидела преследовавшего ее незнакомца. Он взглянул на нее, делая непринужденный вид, и пропустил первой в вагон. Она представила, что этот попутчик – насильник или что-то в этом роде, что его совсем не смущают камеры, и он просто выжидает подходящий момент, чтобы наброситься на нее с ножом, как только двери закроются. Поэтому почти в самый последний момент, когда двери стали закрываться, она выскользнула обратно и осталась на перроне совсем одна, а незнакомец, прильнув к стеклу двери, долго смотрел на нее с жуткой тоской, пока его не унес этот поезд.

Внизу под мостом река была окаймлена набережной, и женщина опять прикинула, что если вдруг она все же решится броситься вниз, ей нужно держаться значительно левее, иначе она просто расшибется о камни, а видеть себя разбившуюся или раздавленную проезжающим транспортом, она меньше всего хотела.

«Интересно, как прыгают самоубийцы с таких мостов? Головой или ногами вниз? А не все ли равно при такой высоте?» – и она вдруг ужаснулась, что нездорова.

Эта коварная и заманчивая мысль умереть в тот миг, когда она только-только разрывала пути, связывающие ее с прежней жизнью, еще сильнее напугала ее, и она поспешила прочь, лишь бы быть подальше от этого гибельного места. Но встречный ветер мешал ей двигаться, и она запустила замерзшие руки в карманы пальто и слегка наклонила голову вниз. Под ногами шевелились тени оледеневших деревьев, словно щупальца страшных чудовищ, пытающихся ее схватить, и она перешагивала через эти шевелящиеся лапы, перепрыгивала их, как маленькая непослушная девочка, и почти бежала в сторону неродного дома. Там, на коврике, ждала и скулила ее маленькая любимая собачонка.

Стук каблучков устрашающим эхом преследовал спешащую домой женщину, преследовал вместе с носившимся повсюду широкими кругами мусором, который так и норовил затянуть в свои таинственные хороводы.

Ангел-спаситель

– Ах ты, моя сучечка... – улыбнулась Катерина Андреевна на пороге своей квартиры, беря на руки суетившуюся и визжавшую от радости собачонку. – Да тихо тебе, тихо! Сейчас пойдем гулять!

Но Кнопа не желала успокаиваться. Она визжала еще сильнее, громко лаяла, и хозяйка, справедливо опасаясь гнева соседей, поспешила опять на улицу.

– Ты, наверно, хочешь настроить против нас весь дом, Кнопа, – покачала головой Катерина Андреевна, нажимая кнопку лифта, и собачонка подтвердила свое намерение непрерывным и уже не в какие рамки не входящим тьяканьем.

Выйдя из подъезда, женщина сразу отпустила свою любимицу во двор, а сама предпочла постоять у подъезда, наблюдая за ней издали. Ее не оставляло какое-то дурное предчувствие, связанное с незнакомым мужчиной, от которого она так ловко избавилась, выскользнув из пустого вагона. Где она могла раньше его видеть, и почему он преследовал ее в столь поздний час, оставалось для нее мучительной загадкой. Неведомый страх постепенно овладевал ей и заставлял вздрагивать при каждом шорохе. И когда она услышала где-то отдаленный, прерывистый свист, сердце ее сжалось.

– Кнопа, домой! – крикнула она в тревоге, когда ее собака скрылась за углом детской площадки.

Несколько окон на первых этажах в доме погасло, и двор погрузился в еще большую темноту. В столь поздний час многие жители уже готовились ко сну или легли в постель. С минуту или две женщина так и стояла у подъезда, в какой-то нерешительности, ругая себя за беспечность, что не взяла поводок. Затем пересиливая свой страх, она все же пошла во двор, стуча своими каблуками.

– Кнопа! Домой!

Ей опять слышался свист.

– Кто здесь? – прошептала она, вся в тусклом сиянии, но ответа так и не последовало.

Когда Катерина Андреевна обошла вокруг детскую площадку и, ничего не понимая, куда подевалась ее собака, остановилась у детских качелей. Те, еле слышно позвякивая цепями, раскачивались на ветру, будто кто-то невидимый катался на них. Отсюда хорошо был виден фасад дома, и она без труда определила свои окна. Сколько лет она прожила здесь с нелюбимым человеком? Почему до сих пор, уже будучи разведенной, не решилась уйти от него?

Кто-то тронул ее за плечо, и это так напугало ее, что она даже вскрикнула и повернулась в ожидании чего-то ужасного. Но там стоял бывший муж с Кнопой на руках. Это был седой мужчина с умным, внимательным взглядом сквозь толстые линзы очков. Несмотря на свой невысокий рост, в нем чувствовался человек серьезный и солидный. Может быть, деловой костюм и длинное пальто придавали ему эту солидность, а, может, уже выработанное годами качества легко выдавали в нем заслуженного врача, профессора.

– Тьфу ты черт! Только о тебе вспоминала... – выругалась Катерина Андреевна.

– Извини, что напугал, – улыбнулся профессор, передавая собачку. – Я думал, ты видела, как я паркуюсь на стоянке, и ждешь меня здесь. Я тебе еще мигнул фарами и даже свистнул... Потом эта бестия побежала ко мне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.